

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Лунные записки. Часть 2: Запоздавшее продолжение от повзрослевшей на полгода девушки

Итак, я — вампир. Сейчас я еду в такси с юной девушкой, которая мне очень приглянулась, и рассусоливаю какую-то мутную романтическую историю, вместо того чтобы взять от жизни, ну или смерти, если быть точнее, то, что мне полагается — без романтики, на задворках.

После моих утешительных слов Валерия расслабилась, насколько это было возможно. Когда такси остановилось у новостройки, где я живу, девушка довольно решительно взялась за ручку двери, и мы вышли на воздух.

— Какой красивый дом! А у тебя какой этаж?

— Двадцать второй.

— И даже лифт есть?

Я усмехнулся.

— О, милая, их три!

В лифте наши тела оказались в замкнутом пространстве. Я вдыхал женские духи, приятные с горчинкой, что-то от Живанши, пожалуй, хотя в этом веке они все как из одной бочки разлитые. Вдыхал запах свежего женского тела.

Валерия не смела поднять на меня глаза, и смотрела в пол, хотя в ее голове витало уже то самое любопытство, которое часто отличает страстных женщин от более скованных — любопытство познания мужчины. Конечно, кто-то называет это бл... м, но поверьте старому ловеласу, это несколько иное.

Я открыл дверь квартиры. Моя спутница вошла в темный, отныне абсолютно неведомый человеку мир, — мир, где царил хаос и жажда.

— Включу музыку и немного красного вина, ты не против? — обратился я к даме.

Та кивнула и нагнулась, чтобы снять обувь.

— Замри на секунду.

Вы когда-нибудь снимали с женщины обувь? Попробуйте! Нет ничего более приятного для женских глаз чем мужчина на коленях перед ней, расстегивающий ремешочки, обнажающий ее прекрасные ноги, ласкающий их...

Валерия почти не дышала. Она наслаждалась. Мои пальцы поднялись от стоп к коленям, а мягкая теплая женская рука скользнула по моей щеке, опустилась вниз на грудь и терпение покинуло меня. Я резко выпрямился, подхватил девушку на руки, тело было легкое, как перышко, и понес в слабо освещенную ночником спальню.

— Не торопись, остановись, мне страшно, — шептала она.

— Не могу, — отвечал я, и это была истинная правда. В моих руках разорвалась ткань черного шелкового платья, Лера застыла, пораженная этой киношной сценой, и несколько испуганная.

Я положил девушку поперек кровати, осыпал загорелые ноги, плоский живот Валерии поцелуями, и женское тело вздрагивало, отвечая на мои губы.

Моя тяжелая рука с набрякшими венами очутилась на темном треугольнике трусиков. Плоть была теплая и влажная, пульсировала, на мои поглаживания девушка ответила еле уловимым стоном.

Мне отлично было видно в полутьме лицо партнерши: глаза закрыты, ресницы вздрагивают,

губы плотно сжаты. Все лицо было отражением новой и волнующей борьбы инстинкта и разума. Но разуму не пробраться сквозь пелену наслаждения, и я, заключив девушку в объятия, прижимая одним коленом горячий бутон в ее промежности, примкнул к полным зовущим губам.

Сначала мой язык оказался в полном одиночестве, но вот первые неуклюжие движения со стороны Валерии были сделаны, и наши языки и губы слились в едином ритмичном танце. Это было желание, желание выпить другого человека до дна.

Я стал раздеваться сам. Но если рубашку девушка помогла мне снять, и, пораженная видом моих рельефных мышц, припала губами к соскам, даря им ласку с нежностью и забвением, то нечто набрякшее в брюках испугало ее.

— Не бойся, почувствуй его. Погладь.

В голове девушки всплывало что-то нехорошее. Она не могла сопротивляться ласкам и не могла не отвечать на них, но продвижение к кульминации и переход к более активным действиям будили ее разум и самообладание.

— О боже, нам нужно остановиться.

И хрупкая женская рука удержала мои пальцы от проникновения в святая святых, которое я вознамеривался сделать.

— Милая, Лера, я все сделаю как нужно, тебе не будет больно, я позабочусь об этом.

И я сжал ее пальцы, продолжая движение внутрь трусиков. Протест.

Да черт возьми, мне это порядком надоело!

Не обращая внимания на шквал эмоций в чужом сознании и попытки высвободиться из объятий, крики, готовые сорваться с губ моей визави, я навалился на нее сверху и посоветовал:

— Чем больше ты будешь сопротивляться, тем больнее будет. Ты поняла?

Но она не поняла, и непокорное тело стало извиваться подо мной, как у змеи, а ногти впивались в мои руки так, что выступала кровь. От ее зубов я едва успевал уворачиваться. Неопытная девочка, она совсем не понимала, что демонстрацией своей гибкости и ловкости она только подливала масла в огонь.

Член был обнажен, трусики спущены ровно настолько, чтобы грубо войти и разорвать преграду... Моя рука лежала на шее девушки так, чтобы голова была неподвижна, дара речи я ее лишил.

Мое тело горело, жажда рисовала перед глазами кровавые круги. В последний раз я взглянул на бледное лицо моей подопечной и устремился к ее лону...

И вдруг я замер. Моя память, она настойчиво взывала ко мне. И я вспомнил войну. Прикоснуться к красоте, желание обладать ею — оно во все времена было проблемой для этого чертового мира. Кого я ел в ту ночь, я плохо помнил. Смею сказать даже — у меня не было аппетита.

— — — — —

Был декабрь. Скоро наступит Рождество. Рождество — ритуально значимое время для вампиров. Много хорошего или плохого можно сотворить в Рождественскую ночь. Я, разумеется, был настроен только на плохое.

Вечером я сидел на балконе и любовался сумерками. Шел снежок, и аллея возле дома представляла собой данс-пол, где в качестве героев крутящиеся в метели кристаллики выделяли разные па.

Все тлен. Кристаллики умрут. Все умрут. А я останусь. Ведь я вампир.

На лестнице на двадцатом этаже послышался стук каблучков. Шла женщина, шла легкой и стремительной походкой. Вот она поднимается на мой этаж.

И вдруг я подпрыгнул от неожиданности — в дверь постучали.

Не помню своих мыслей, настолько быстро я очутился у двери и повернул замок.

То, что предстало моим глазам, было поразительно: Лера.

Она стояла, такая же, как и была, только немного резче обозначились черты лица.

— Я могу войти и поговорить?

Я не отвечал, как никак прошло три года с нашей печальной встречи, для меня это, конечно, пустяк, но для человека три года — значимый промежуток времени.

— Ты слышишь?

Я посторонился, пропуская девушку внутрь.

Цитрусовый запах свежести и невинности благоухал еще ярче, чем прежде. Но теперь он был ближе к горечи, чем к сладости.

Воспоминания о той ночи вихрем носились в моей голове: красота, возбуждение, юность, и вдруг боль, опустошение, страх. И спустя три года я не разобрался, правильно ли я тогда поступил. Совесть не мучала меня, да, ведь я воспротивился желаниям насилия и крови, но мучало сознание, что нечто потрясающее прошло мимо меня, и я сам пропустил это. Но в самом деле, не мог же я ухаживать за женщиной год, а потом просто позвать ее замуж, соблюдая все приличия и плодить детей?

Лера стояла в прихожей. Ее глаза немного поблуждали по обстановке квартиры, и остановились на мне. Ах, какой невероятно пронзительный взгляд! Она хотела понять, она хотела понять, и словно в ответ на мои слова, девушка сказала:

— Я не могу с этим жить. Наверное, ты думаешь, что я психически ненормальная, раз пришла сюда, к насильнику, но ведь это было что-то другое? Ведь мое тело хотело того же, что и твое. Я не влюблена, я психически здорова, но я знаю, что даже если мне будет сорок, я буду помнить тебя, и мне не будет покоя. И мне нужен ответ. Нужно понимание, чтобы дальше строить свою жизнь.

Я выцепил из ее памяти парня, который теперь часто появлялся возле нее. Нет, конечно, такая девушка никогда не будет с ним счастлива, она попала в ловушку всех чувственно одаренных людей — нужно иметь здравомыслие, но быстротечность жизни слишком часто отсекает от нас ее краски, и тогда люди идут на поводу своей сущности.

— Может быть, ты влюблена? Ну так знай, это лечится. Или что легче, это ваши человеческие гормоны, тогда нужно найти мужчину постарше и разделить с ним трудности превращения в женщину.

Валерия была несколько разочарована. Это не было ее успокоением.

— Ты сама должна через это пройти, я тут не могу помочь.

Внимательно наблюдая за собеседницей, я понял, что физиологически ее организм сейчас истощен донельзя, и ей стоило невероятных усилий прийти сюда. Выслушав от меня то, что, в принципе, и ожидала, но втайне надеясь на сочувствие, она устала. Кровяное давление у гостя подскочило и пульс зашкаливал.

Я принес из спальни стул и указал девушке на него.

— О, как хорошо. Мне что-то не очень. Как смешно ты говоришь, «ваши человеческие гормоны»! Тебя они, видно, не беспокоят?

— Нет.

— Странно, — протянула она, — а мне показалось...

И Лера положила ногу на ногу, раскрыв полы своей шубки и обнажив ноги в черном капроне. Такого поворота событий мой организм не ожидал. Представьте, стоит в гараже канистра со старым бензином. Стоит год, два, три, и вдруг дети открывают канистру, отвинчивают крышечку, и кидают туда зажжённую спичку.

Пуффф!

— Тебе лучше уйти, — говорю я.

Она встает, и мужество покидает девушку.

— Ненавижу тебя, ненавижу! Ты подонок, каких мало поискать! Я не могу ни о ком думать кроме тебя, ты сломал мне жизнь! Будь проклят!

Ее сжатые в кулаки руки бьют меня в грудь со всей силы, беспорядочно, но по человеческим параметрам очень сильно. Страстное желание причинить мне боль владеет ею.

Наконец ее рука ударяет меня по щеке. Но не кулаком, а такая «глядящая» женская пощечина. Фигура движется к выходу, но я понимаю, что ее нельзя отпускать в таком состоянии и преграждаю путь, хватая за руки. И опять все повторяется: узкие женские плечи в тисках монстра, наши горящие глаза, устремленные друг на друга, но теперь уже нет страха, и нет боли, есть двое, есть только двое...

Мы невесомы, нас окутывает вожделение.

— Я хочу тебя, — говорит она.

В ответ я обнимаю ее крепко, целуя в шею, она отстраняет мою голову от себя, смотрит несколько секунд, словно желая убедиться, что это я и я реален.

— Я рядом. Я с тобой, девочка моя. Ну, дай сниму с тебя шубку.

Она поворачивается ко мне спиной, и я аккуратно снимаю тяжелую шкурку, хотя руки у меня дрожат как у алкоголика, нашедшего заначку любимой беленькой.

Плавные изгибы прекрасного тела предстают передо мной. Прекрасные стройные ноги, объемные и упругие бедра, тонкая талия, прямая царственная осанка. На платье сзади вырез треугольником, и половина спины оголена. Я прижимаю губы к этому кусочку желанного тела и провожу по коже языком. Девушка протяжно вздыхает, и от расслабления она с трудом держится на ногах.

Шуба сползает на пол, мы оба выпутываемся из нее, боремся с молнией на сапогах, и наконец мы можем ощущать наши тела только через тонкий слой одежды.

Лера прижимается ко мне всем телом, ее руки перемещаются на мою ширинку. Я закрываю глаза и чувствую, как к члену еще сильнее приливает кровь. Он становится каменным.

Увлекаемый своей соблазнительницей, я покорно иду в спальню. Эта девушка, это чудо отдает мне себя. Она не может иначе, я стал чем-то вроде демона-искусителя, злого и доброго одновременно.

Мы раздеваем друг друга. Я не вижу ни тени сомнений в глазах Леры, не читаю их в мыслях, все ее существо просит ласки, просит меня.

Мы нежно и долго исследовали тела друг друга, лежа на простынях. Тишина перемежалась вздохами или стонами да тикали часы у соседей, я это слышал, настолько были обострены все мои органы чувств. Я слышал движение молодой взволнованной крови совсем рядом со мной, стук сердца моей желанной.

Руки девушки устроились на моем члене и мимолетные перепархивания ее пальчиков по

нему приводили меня в экстаз. Это было то, чего я раньше никогда не испытывал — это было слияние, слияние не просто с девушкой, само слияние вампира с человеком никак не представляется возможным. Но это было оно: это было слияние сознаний, жизни, судеб.

Я видел, насколько прекрасным ей кажется мое тело, почти божественным, тут не было никакой девственной скромности или комплексов — природа подсказывала действия.

Горячие губы девушки обхватили головку моего члена. Сначала она провела по ней языком, словно желая попробовать на вкус, ведь у нее это было впервые. Когда кое-что было разведано, Лера стала пропускать член глубже в рот, а плотно сжатые губы массировали его ствол.

На меня накатывали волны пред-оргазма, но я сдерживал себя, иногда останавливая голову своей любовницы руками. Лера тогда смотрела на меня вопросительно, не совсем понимая, зачем я это делаю.

Понимая, что задерживать семяизвержение все труднее, я отстранил девушку от себя и прилег рядом с ней, лаская ее небольшую упругую грудь и твердые соски. Казалось, они были не очень чувствительны, и я перешел на живот, покусывая его и рисуя языком извилистые тропки.

Лере это понравилось, тело ее непрестанно извивалось, руки были запрокинуты назад, стоны стали хриплыми, и по мере того как я приближался вниз, к половым губкам, она все тяжелее дышала. Мой язык, наконец, оказался в уютной беседке с клитором, который я ласкал особо тщательно, а он по мере моих ласк становился все более твердым и налитым кровью.

Продвинуться даже кончиком языка внутрь влагилица было невозможно — настолько узко было там все, а девственная плева была так напряжена, что к восторгам Леры при моих поцелуях в этой области примешивалась доля боли.

Я думал о том, насколько я смогу облегчить девушке боли при проникновении, ведь мой член был крайне внушителен. Конечно, она этого не понимает, нет опыта, нет сравнения, и может это к лучшему, в противном случае она могла бы испугаться размеров.

Я меняюсь. Я думаю о чужой боли как о своей, и думаю, как облегчить чужую боль! Невероятно, что я могу быть таким! Таким человечным!

Мои попытки проникнуть пальцем внутрь девичьего лона вызвали отторжение и мышечную реакцию — Лера произвольно напряглась от боли и вместе с этим все ее тело.

Было глупо просить девушку, у которой никогда не было мужчины, расслабиться. Мне пришлось немного, совсем немного заняться гипнозом.

— Лера, — позвал я.

Она открыла глаза, приподнялась.

— Лера, тебе не будет больно! — и я поцеловал ее.

Мы слились в тесном объятии, я отвлекал девушку глубокими поцелуями, свободной рукой я направлял член, но он не хотел входить, и мне пришлось с силой втолкнуть его внутрь влагилица.

Это было невыносимо для нас обоих. Мой хваленый гипноз и вполнину не уменьшил боль, и Лера перестала вообще что-либо понимать, погрузившись в ощущения от этой боли и ее вскрикивания, непохожие ни на что, ранили меня. Я будто сорвался с цепи, как пес, которого давно не кормили, и он видит в метре от себя кость, но достать не может. Фрикции моих бедер были глубокими и резкими, смазка, хотя ее было много, не облегчала движение, и мне каждый раз приходилось будто первый раз входить в девушку. И все-таки я был на вершине

блаженства, хотя оно было предельно острым.

Я знал, что мне нужно еще. Рука Валерии, лежавшая на моем правом плече, я слегка откинул руку и там на сгибе локтя, где у людей обычно берут кровь на анализы, я вонзил свои клыки. Они с хрустом прошли сквозь кожу и мой вкус гурмана возликовал: отменная, свежая, чистая кровь, полная всего земного жизненного великолепия, лилась мне в рот тонкой, но щедрой струйкой.

Я утолял свою жажду, забыв о мучительной боли, раздирающей жертву, о близости ее неотвратимой скорой гибели. А кровь все не иссякала, а я все пил, и пил, как вдруг что-то кольнулось на границе моих чувств. И я не сразу осознал, что это был звук, это был голос, голос Валерии.

— Остановись, прошу, — произнесла она тихо.

Откуда, откуда у девушки нашлись силы говорить? Это было невозможно среди опустошающей боли, причиняемой ей укусом и инфицированием. Еще более невозможной была нега, охватившая ее недвижно лежавшее тело. Оно затрепетало подо мной, я отнял окровавленную руку от губ и приблизил свое лицо к лицу Леры.

Мой язык оказался на ее губах, и губы мне ответили. Они были такие же живые и податливые, что и десять минут назад. Я погладил рукой по бедрам, и Лера застонала. Ее хриплый и возбуждающий низкий стон заставил меня забыть о крови и переключиться на тело.

Я вновь вошел в молодую упругую плоть, но на этот раз бедра выгнулись мне навстречу и член погрузился полностью, заполнил, казалось, все тело женщины, а я ощущал ее возбуждение, граничащее с беспамятством, желание ускорения темпа, желание еще и еще получать мой член во влагалище. Несколько раз она была на пике, но я не давал ей разрядиться, тело, лежавшее подо мной, было наэлектризовано, и любые движения губ, рук, моего члена вызывали сноп искр, разрядов, коротких замыканий. Все нервные импульсы стремились только к одному — к полному удовлетворению своей хозяйки.

Я знал, когда нужно — в какой-то момент я разогнался до бешеной скорости и когда тело Валерии, наконец, взмолилось о пощаде, я в обычной своей манере нанес последний, решительный удар, болезненный и взрывной, так что девушка вскрикнула и ее ногти впились мне в спину.

Минут десять мы лежали не шелохнувшись. Мне было хорошо и спокойно. Затем я осторожно заглянул в сознание Леры. Там не было ничего, ничего кроме эндорфинов, они заполняли все, они блокировали боль, они убили вампирскую инфекцию! Кровь мирно текла в венах и артериях, постепенно увеличивая свой объем.

На руке след от укуса исчезал на глазах!

Эндорфины! Кто бы мог подумать! И эта девочка, апельсиновая девочка из ночного клуба, эндорфиновое чудо, вакцинированное от всякой заразы! Моя милая девочка...

Я нежно поцеловал свою подругу, а девушка положила голову мне на грудь.

— Лера, Лера, ты ведь чудо! Знаешь?

— Теперь-да. Но даже если бы я и умерла, я умерла бы на вершине счастья. Ведь я провела с тобой ночь.